

ЧЕСТНОЕ слово, вот это и есть киножурналистика. Для документального фильма проблема № 1. Самый плохой фильм хоть три дня, но пролежит на экранах городов и сел всей страны, не добрав миллионы запланированной ему прибыли и «перекрестное» нечетное количество печатных и непечатных возмущений: «Опять! Показал!».

И в то же время на студиях украинского документального кино вышло немало отличных кинопроизведений, вовсе неизвестных или почти неизвестных зрителю. Почему же так?

Мнения на этот счет, которые мне приходилось слышать, можно свести к двум вариантам: зритель не хочет и зритель не может посмотреть документальный фильм.

Том, почему не может, всех давно инстинктивно — хозяйственных имитаторов документального кино вышут часто и охотно, хотя эта беда, как мне кажется, вторая по счету.

Разберемся по порядку. Чтобы понять, почему зритель не хочет, задаемся: чего же он, собственно, хочет? Приподнимаем над мизансценированной разногласий кинокой и услышим то общее, что сегодня ясно для всех: зритель хочет правды, живой правды и только правды. К сожалению, еще случается так — на экране выносятся факты, а не чувствуются правды искусства — правды отбора, подсказанная мыслью и талантом художника.

Недавно я посмотрел короткометражный фильм «Рассказ о цветках». Место рождения этого фильма — Рига. В Риге любят цветы, любят не только, а для себя — цветы стали бытом, вошли в семейный уклад жизни. И школьники там воюют с ними так же охотно, как и пенсионеры. Стало быть...

После фильма мы расхаживали по аллеям. Подвальные кино может заставить человека возненавидеть даже цветы. Документальный фильм фальшивил во всем: в красках — хитаче-

ских артистов никто не встретил бы, не проводил и где все было бы так гладко и мило.

Чтобы люди смотрели

Заметки о фильмах украинских документалистов

Старое, до оскопленных привычного лето — киножурналистика. Каждые пять дней — «Советская Украина», раз в месяц — «Пионер», раз в два месяца — «Молодежь Украины», наконец, два раза в год — спортивный выпуск. Расписанный конвейер. А нужен ли он? Директора студии И. Козина не смущает «неизвестность» этого вопроса: да, в киноиндустрии надо что-то менять. Легче всего согласиться, и отапливать их телевидением. Сложнее разобраться, способен ли телевизионный выпуск новостей заменить киножурналистику.

И на Киевской студии, и на Харьковской студии об этом говорят, и много спорят, так горячо и охотно, что недавно вступивший в этот спор.

Сейчас киножурналистика является главным образом газетными новостями: торжественное заседание, юбилей ученого, производственная победа на заводе, в колхозе, открытие клуба. Все это непохоже «киногазета» для телевизора. А журнал? Угнаться за телевидением в оперативности ему не под силу, как не под силу «Новому миру» или даже «Огоню» угнаться за «Вечерней». Так и не надо. Свое, особое киножурналистика должна лежать в глубине, в проблемности показа современной жизни. Конечно, прежний дежурный набор — заводской сюжет, колхозный, «на сладкое» — невозможно искусства и спорта — не подействует, не впечатлит. Иллюстрировать вчерашнюю газету журналист не к чему. Основную ценность приносят самостоятельные сюжеты, и от корреспондента требуется, чтобы он был не только наблюдателем, но и участником. В работе Киевской студии хроникально-документальные фильмы. Выиграла местная команда перенести страну по футболу — «неужто готовы смотреть и слушать в очередной раз, как «Лобановский» прохаживает по левому краю, передает мяч в центр и Вибя великодушным ударом посылает мяч в сетку? Нет, сценарист М. Паромов и режиссер А. Френкель (выпускник ВГИКа, добровольно и прочно ушедший в документальное кино, факт крайне редкий!) сошли с проторенной дорожки, и их «Золотой мяч» интересен отнюдь не только страстным болельщикам киевского «Динамо». Или «Семь цветов радуги» по сценарию Л. Волынского — фильм о выставке детского рисунка. В нем есть и личное, и универсальное — переживание картины, но вот юной художнице ее сверстница задает каверный вопрос: «А тебе папа не помогал?» — и живое повествование ломается, ребята оживают, летушится, хохочут...

И выбрал науку несколько фильмов для примера. Показав

де цветного стекла. Стекло — это цвет, рыбки, звери, даже стеклянная парочка заторможенных павлинов — милые, шуточные пустилки. И отбрасыв эти авторы этого фильма (писатель М. Тевелев, режиссер М. Юдин) — обычной, дозированной по жанру информацией о производстве завода, не сласла бы их от сериальных «подложного факта», ни электронная музыка за кадром, ни патетическая ссылка на юность, только что освоенный на заводе, 24-й по счету колер. Но авторы шагнули дальше: «А для чего делается эти симпатичные вази и рюмки?» — для любви! Так и сползает течение «объективных фактов» выветриваясь, самостоятельная тема — вдруг, как ножом по стеклу, гремит марш «Графиня» для ширпотреба? Шерешаги, сотня за сотней уходят они с того же завода — безмятежные, тупые, стандартные, утверждающие артикулом номер такой-то. Делать их не дешево, и не просто, чем ту, веселую, продукцию. Она, и не эти стеклянные «монстры», могла бы стать истинным предметом широкого потребления, но на нее нет артикула, к ней глух рефлексурент... Тема объективного сюжета — дела и будни одного завода — перестала быть постоной, равнодушной, информационной, ней зазвучала особая, личная заинтересованность, в том, о чем рассказывал киноочерк.

После, проделанный авторами «Чародей», как видно, не так уж сложен и глубок. Но именно он, этот следующий шаг — это «что-то», выходящее за рамки годового факта, — стало явиться характерной приметой в работе Киевской студии хроникально-документальные фильмы. Выиграла местная команда перенести страну по футболу — «неужто готовы смотреть и слушать в очередной раз, как «Лобановский» прохаживает по левому краю, передает мяч в центр и Вибя великодушным ударом посылает мяч в сетку? Нет, сценарист М. Паромов и режиссер А. Френкель (выпускник ВГИКа, добровольно и прочно ушедший в документальное кино, факт крайне редкий!) сошли с проторенной дорожки, и их «Золотой мяч» интересен отнюдь не только страстным болельщикам киевского «Динамо». Или «Семь цветов радуги» по сценарию Л. Волынского — фильм о выставке детского рисунка. В нем есть и личное, и универсальное — переживание картины, но вот юной художнице ее сверстница задает каверный вопрос: «А тебе папа не помогал?» — и живое повествование ломается, ребята оживают, летушится, хохочут...

И выбрал науку несколько фильмов для примера. Показав

де цветного стекла. Стекло — это цвет, рыбки, звери, даже стеклянная парочка заторможенных павлинов — милые, шуточные пустилки. И отбрасыв эти авторы этого фильма (писатель М. Тевелев, режиссер М. Юдин) — обычной, дозированной по жанру информацией о производстве завода, не сласла бы их от сериальных «подложного факта», ни электронная музыка за кадром, ни патетическая ссылка на юность, только что освоенный на заводе, 24-й по счету колер. Но авторы шагнули дальше: «А для чего делается эти симпатичные вази и рюмки?» — для любви! Так и сползает течение «объективных фактов» выветриваясь, самостоятельная тема — вдруг, как ножом по стеклу, гремит марш «Графиня» для ширпотреба? Шерешаги, сотня за сотней уходят они с того же завода — безмятежные, тупые, стандартные, утверждающие артикулом номер такой-то. Делать их не дешево, и не просто, чем ту, веселую, продукцию. Она, и не эти стеклянные «монстры», могла бы стать истинным предметом широкого потребления, но на нее нет артикула, к ней глух рефлексурент... Тема объективного сюжета — дела и будни одного завода — перестала быть постоной, равнодушной, информационной, ней зазвучала особая, личная заинтересованность, в том, о чем рассказывал киноочерк.

После, проделанный авторами «Чародей», как видно, не так уж сложен и глубок. Но именно он, этот следующий шаг — это «что-то», выходящее за рамки годового факта, — стало явиться характерной приметой в работе Киевской студии хроникально-документальные фильмы. Выиграла местная команда перенести страну по футболу — «неужто готовы смотреть и слушать в очередной раз, как «Лобановский» прохаживает по левому краю, передает мяч в центр и Вибя великодушным ударом посылает мяч в сетку? Нет, сценарист М. Паромов и режиссер А. Френкель (выпускник ВГИКа, добровольно и прочно ушедший в документальное кино, факт крайне редкий!) сошли с проторенной дорожки, и их «Золотой мяч» интересен отнюдь не только страстным болельщикам киевского «Динамо». Или «Семь цветов радуги» по сценарию Л. Волынского — фильм о выставке детского рисунка. В нем есть и личное, и универсальное — переживание картины, но вот юной художнице ее сверстница задает каверный вопрос: «А тебе папа не помогал?» — и живое повествование ломается, ребята оживают, летушится, хохочут...

Ведь и она, сегодняшняя киножурналистика, стремилась к абсолютной правдивости и допущению в прочь прихватить в художественную ленту куски из кинолетописи. Против этого, кажется, никто не возражал. А вот обратное стремление — власти в документальной области свободная художественная выразительность — у многих вызывает смущение и даже резкий протест. «Держитесь! Факты, не обобщайте!» — вот посылка таких возражений. Но искусство не способно жить без обобщения. Да, документальный фильм — это «жизнь, как она есть». Но вся документальность, а не только кино, вытекает из жизни, а не наоборот. Через пятнадцать лет после окончания войны матери героя

судьбы киножурналистика, ее встреча и контакты с широким зрителем, не всегда берет в большее творческое взаимодействие документального кино. Отсюда дополнительные ограничения на пленку, на сценарий, на монтаж, на средства... Словом, возникает проблема № 2: «Зритель не может».

О том, как она возникает, мне рассказала заместитель министра культуры УССР С. Кириллова.

Не хватает пленки. Долой до курьеза: пытаются спланировать тончайший график расхода оператору, работающему в Антарктиде... 200 метров на ближайшей мессе... Еще хуже с копиями. Спешим, зовем оперативного писателя, даем ему жуткую тему, он бросает начатую книгу, приносит сиверный — и горитца публицистика ползает в халуду, обдавая положенные 45 дней на колпоральной фабрике (даже если фабрика изымает от недостатка работ). А в конечном счете — 80 копий. На одной Украине 26 тысяч киноаппаратов, по стране — раз в пять больше, вот и подсаживает, со своим, пусть встретится со своим, пусть будет счастливый зритель. Плохо с кадрами. Особенно новыми свежими — творческая молодежь неохотно идет в документальное кино. Да и писатели не очень берут в возможности этого жанра. А когда берут, сами видят: половина удач Киевской студии пришла с новыми авторами.

РАССКАЗЫ ОБ ИСКУССТВЕ

Я С УДОВОЛЬСТВИЕМ прочитал книгу В. Эренграсса, заданную Детизмом. Броское ее название «По законам красоты» сопровождается скромной аннотацией: «Эта книжка — экскурсия по музеям и улицам города». И действительно, автор ведет своего читателя по художественным музеям, по улицам и площадям городов, знакомит его с картинами, гравюрами, плакатами. В ходе этой своеобразной экскурсии автор удалось увлекательно, без назидательного дидактизма рассказать юному читателю много поучительного и полезного о выдающихся создателях художественного искусства.

И сказал — юному читателю. Но почему же мне, человеку, чья юность давно-давно осталась позади, было интересно читать рассказы о столь, казалось бы, хорошо известных произведениях, как например, «Свободство майора» П. Федорова или «Не ждали» И. Ветина. Вулканчик — оружие партизанки. И Шадря или «Сильнее смерти» Ф. Фивейского?

Книга состоит из трех глав, посвященных живописи, графике и скульптуре и соответственно, удачно названных: «Какого цвета туман?», «Первыми языком», и «Деревенскому подобию». В каждой из них заключены важные сведения об основных особенностях изобразительного искусства. Автор, на живых примерах знакомя читателя с природой творчества, очень тактично подводит его к постижению таких понятий, как, например, композиция, колорит, светотень, тон, жанр, сюжет, пластические свойства и т. д.

И сказал — юному читателю. Но почему же мне, человеку, чья юность давно-давно осталась позади, было интересно читать рассказы о столь, казалось бы, хорошо известных произведениях, как например, «Свободство майора» П. Федорова или «Не ждали» И. Ветина. Вулканчик — оружие партизанки. И Шадря или «Сильнее смерти» Ф. Фивейского?

Книга состоит из трех глав, посвященных живописи, графике и скульптуре и соответственно, удачно названных: «Какого цвета туман?», «Первыми языком», и «Деревенскому подобию». В каждой из них заключены важные сведения об основных особенностях изобразительного искусства. Автор, на живых примерах знакомя читателя с природой творчества, очень тактично подводит его к постижению таких понятий, как, например, композиция, колорит, светотень, тон, жанр, сюжет, пластические свойства и т. д.

Книга состоит из трех глав, посвященных живописи, графике и скульптуре и соответственно, удачно названных: «Какого цвета туман?», «Первыми языком», и «Деревенскому подобию». В каждой из них заключены важные сведения об основных особенностях изобразительного искусства. Автор, на живых примерах знакомя читателя с природой творчества, очень тактично подводит его к постижению таких понятий, как, например, композиция, колорит, светотень, тон, жанр, сюжет, пластические свойства и т. д.

Ведь и она, сегодняшняя киножурналистика, стремилась к абсолютной правдивости и допущению в прочь прихватить в художественную ленту куски из кинолетописи. Против этого, кажется, никто не возражал. А вот обратное стремление — власти в документальной области свободная художественная выразительность — у многих вызывает смущение и даже резкий протест. «Держитесь! Факты, не обобщайте!» — вот посылка таких возражений. Но искусство не способно жить без обобщения. Да, документальный фильм — это «жизнь, как она есть». Но вся документальность, а не только кино, вытекает из жизни, а не наоборот. Через пятнадцать лет после окончания войны матери героя

судьбы киножурналистика, ее встреча и контакты с широким зрителем, не всегда берет в большее творческое взаимодействие документального кино. Отсюда дополнительные ограничения на пленку, на сценарий, на монтаж, на средства... Словом, возникает проблема № 2: «Зритель не может».

О том, как она возникает, мне рассказала заместитель министра культуры УССР С. Кириллова.

Не хватает пленки. Долой до курьеза: пытаются спланировать тончайший график расхода оператору, работающему в Антарктиде... 200 метров на ближайшей мессе... Еще хуже с копиями. Спешим, зовем оперативного писателя, даем ему жуткую тему, он бросает начатую книгу, приносит сиверный — и горитца публицистика ползает в халуду, обдавая положенные 45 дней на колпоральной фабрике (даже если фабрика изымает от недостатка работ). А в конечном счете — 80 копий. На одной Украине 26 тысяч киноаппаратов, по стране — раз в пять больше, вот и подсаживает, со своим, пусть встретится со своим, пусть будет счастливый зритель. Плохо с кадрами. Особенно новыми свежими — творческая молодежь неохотно идет в документальное кино. Да и писатели не очень берут в возможности этого жанра. А когда берут, сами видят: половина удач Киевской студии пришла с новыми авторами.

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ

ПЕЧА Оренбургского драматурга Ф. Мирнова «Розинка» не случайно привлекла внимание. В ней ясно ощущаются приметы времени, сегодняшнего этапа борьбы за свободу. Это не разговор «оооооо» о сельском хозяйстве и борьбе в нем передового с отсталым. В нем чувствуется знание, современная колхозная деревня, тех конфликты, которые в настоящее время существуют и находятся в процессе решения самой жизнью. Это ощущение не пропадает и на спектакле Оренбургского драматического театра имени Горького, давнего плесе путевки в жизнь и наившего ее с показа гастроли в столице. Сразу же говорим: — произведение это далеко не безупречно. Обилие жизненных впечатлений задерживало автора. Из второстепенного ему не всегда удалось выделить главное, наиболее существенное для развития пьесы.

ПЕЧА Оренбургского драматурга Ф. Мирнова «Розинка» не случайно привлекла внимание. В ней ясно ощущаются приметы времени, сегодняшнего этапа борьбы за свободу. Это не разговор «оооооо» о сельском хозяйстве и борьбе в нем передового с отсталым. В нем чувствуется знание, современная колхозная деревня, тех конфликты, которые в настоящее время существуют и находятся в процессе решения самой жизнью. Это ощущение не пропадает и на спектакле Оренбургского драматического театра имени Горького, давнего плесе путевки в жизнь и наившего ее с показа гастроли в столице. Сразу же говорим: — произведение это далеко не безупречно. Обилие жизненных впечатлений задерживало автора. Из второстепенного ему не всегда удалось выделить главное, наиболее существенное для развития пьесы.

ПЕЧА Оренбургского драматурга Ф. Мирнова «Розинка» не случайно привлекла внимание. В ней ясно ощущаются приметы времени, сегодняшнего этапа борьбы за свободу. Это не разговор «оооооо» о сельском хозяйстве и борьбе в нем передового с отсталым. В нем чувствуется знание, современная колхозная деревня, тех конфликты, которые в настоящее время существуют и находятся в процессе решения самой жизнью. Это ощущение не пропадает и на спектакле Оренбургского драматического театра имени Горького, давнего плесе путевки в жизнь и наившего ее с показа гастроли в столице. Сразу же говорим: — произведение это далеко не безупречно. Обилие жизненных впечатлений задерживало автора. Из второстепенного ему не всегда удалось выделить главное, наиболее существенное для развития пьесы.

ПЕЧА Оренбургского драматурга Ф. Мирнова «Розинка» не случайно привлекла внимание. В ней ясно ощущаются приметы времени, сегодняшнего этапа борьбы за свободу. Это не разговор «оооооо» о сельском хозяйстве и борьбе в нем передового с отсталым. В нем чувствуется знание, современная колхозная деревня, тех конфликты, которые в настоящее время существуют и находятся в процессе решения самой жизнью. Это ощущение не пропадает и на спектакле Оренбургского драматического театра имени Горького, давнего плесе путевки в жизнь и наившего ее с показа гастроли в столице. Сразу же говорим: — произведение это далеко не безупречно. Обилие жизненных впечатлений задерживало автора. Из второстепенного ему не всегда удалось выделить главное, наиболее существенное для развития пьесы.

СРЕДА

Книга состоит из трех глав, посвященных живописи, графике и скульптуре и соответственно, удачно названных: «Какого цвета туман?», «Первыми языком», и «Деревенскому подобию». В каждой из них заключены важные сведения об основных особенностях изобразительного искусства. Автор, на живых примерах знакомя читателя с природой творчества, очень тактично подводит его к постижению таких понятий, как, например, композиция, колорит, светотень, тон, жанр, сюжет, пластические свойства и т. д.

Книга состоит из трех глав, посвященных живописи, графике и скульптуре и соответственно, удачно названных: «Какого цвета туман?», «Первыми языком», и «Деревенскому подобию». В каждой из них заключены важные сведения об основных особенностях изобразительного искусства. Автор, на живых примерах знакомя читателя с природой творчества, очень тактично подводит его к постижению таких понятий, как, например, композиция, колорит, светотень, тон, жанр, сюжет, пластические свойства и т. д.

Книга состоит из трех глав, посвященных живописи, графике и скульптуре и соответственно, удачно названных: «Какого цвета туман?», «Первыми языком», и «Деревенскому подобию». В каждой из них заключены важные сведения об основных особенностях изобразительного искусства. Автор, на живых примерах знакомя читателя с природой творчества, очень тактично подводит его к постижению таких понятий, как, например, композиция, колорит, светотень, тон, жанр, сюжет, пластические свойства и т. д.

Книга состоит из трех глав, посвященных живописи, графике и скульптуре и соответственно, удачно названных: «Какого цвета туман?», «Первыми языком», и «Деревенскому подобию». В каждой из них заключены важные сведения об основных особенностях изобразительного искусства. Автор, на живых примерах знакомя читателя с природой творчества, очень тактично подводит его к постижению таких понятий, как, например, композиция, колорит, светотень, тон, жанр, сюжет, пластические свойства и т. д.

